

ДАРЮ *Соб. интервью
1989 - 2 Февр.
- с. 5*

ДОЖДЕВОЕ

ОБЛАКО

Первым ее поздравил тогда У. Д. Джанибеков, секретарь ЦК Компартии Казахстана. Было около семи утра. «Рано? — засмеялся он. — В Алма-Ате десять. Вам сегодня нельзя долго спать. Не успеете принять все поздравления».

В фойе Школы-студии МХАТа студенты повесили плакат: «Дорогая Ольга Всеволодовна! Поздравляем с заслуженным присвоением звания заслуженный деятель искусств Казахской ССР! Ваши ученики». Несколько дней звонили: поздравляли бывшие воспитанники из Ленинграда, Киева, Владивостока, Душанбе. А уж сколько было звонков из Казахстана — не сосчитать.

...Все в московской квартире О. Всеволодской-Голушкевич удивительно точно отражает человеческую индивидуальность хозяйки, рассказывает, как формировалась незаурядная личность, помогает понять, что заставило ее семнадцать лет назад, уже в том возрасте, когда люди уходят на пенсию, отважно и радостно взяться за новое дело — изучение истории и культуры казахского народа, постановку казахских танцев.

На малом пространстве комнаты в восемнадцать квадратных метров Ольга Всеволодовна, ничуть не заботясь о домашнем уюте, даже об элементарных удобствах, хранит то, что для нее свято. «Осколки» гостиного гарнитура из ленинградской квартиры отца — профессора Всеволодского, где, по семейным преданиям, бывали Луначарский, Брюсов, Кони... Русский интеллигент, Всеволод Николаевич Всеволодский принял Великую Октябрьскую революцию безоговорочно. Активно. В 1918 году он организатор, директор нигде никогда не бывалого Института живого слова. Здесь курс поэзии вел Брюсов, ораторского искусства — Кони. Всеволодский читал лекции по истории театра.

В библиотеке Ольги Всеволодовны — книги отца, давно ставшие редкими: двухтомник «История русского театра» под редакцией А. Луначарского, «Игры народов СССР», где описаны и казахские игры. Профессор не был кабинетным ученым. Отнюдь. Каждое лето он уезжал с научными экспедициями фольклористов на Север, Поволжье, на Урал. В результате возникла идея этнографического театра. Всеволодский мечтал, чтобы на этой сцене показывали свое искусство все народы страны.

Этой идеей жил директор театра В. Всеволодский. И его соратники. И его дом. Его семья.

— Я училась классическому танцу в знаменитой балетной школе Вагановой, — рассказывает Ольга Всеволодовна. — У отца каждодневно училась широкому интернациональному пониманию искусства, культуры. Окончив хореографическую школу, сразу уехала в Киевский оперный. Несколько лет была там ведущей солисткой. Преподавала в только что открытом балетном училище. Вела класс танца в студии Киевского драматического театра.

Основное место работы Всеволодской-Голушкевич уже более тридцати лет — Школа-студия МХАТа. Недавними ее учениками были и сегодняшние кумиры публики: В. Алентова, И. Мирошниченко, В. Меньшов, А. Мягков, Н. Караченцов...

— Приходилось ли вам ставить восточные танцы?

— Ну, конечно. И танцевать — тоже. Моей любимой ролью была Зарема в «Бахчисарайском фонтане». Казахские танцы я никогда не танцевала. Не ставила. Этой творческой радости я обязана Узбекали Джанибекову.

Их познакомил ныне умерший В. Смирнов, заслуженный артист РСФСР, профессор Училища им. М. С. Щепкина. Он пригласил как-то Ольгу Всеволодовну к себе домой на чашку чая. Там она и встретила секретаря Тургайского обкома партии Джанибековым. Он приехал в Москву на совещание и попутно искал талантливого профессионального хореографа для постановки танцев в музыкальном спектакле по пьесе М. Ауэзова «Кобланды». За чашкой чая Узбекали Джанибекович и «завербовал» в союзники хореографа Ольгу Всеволодовну.

— Мы вместе с ним ездили в аул к девятистолетней Жамал Кыргызбаевой. Меня потрясла ее хореографическая память. Пластика. Я не знаю казахского. Жамал-апа не знает русского. Но для хореографии нет языковых барьеров.

Увлеченно помогали Ольге Всеволодовне и девушки из областного фольклорного ансамбля «Шертер». Тайган Изимова, юная, очаровательная, талантливая танцовщица, стала и лучшей ученицей, и незаменимой помощницей.

Танцы, поставленные для Тайган Ольгой Всеволодовной, артистка исполняла на «бис» в Аркалыке, Алма-Ате, Москве, в Швейцарии, Югославии, Индии.

Героическая строка казахского эпоса «Клышпанби» («Танец с саблями») — почти героическая строка в биографии О. Всеволодской-Голушкевич. Работа над этим номером, предназначенным для ответственной гастрольной программы, могла сорваться: Ольга Всеволодовна сломала ногу. И все-таки полетела в Алма-Ату.

— Да, на костылях, — смеется она. — С железными «штырями». И с рентгеновским снимком, чтобы объяснить в аэропорту при досмотре, почему от меня идет звон.

Клыш — легкая изогнутая сабля девушки-батыра, — это символ борьбы, мужества. И не случайно танец «Клышпанби» посвящен Маншук Маметовой и Алие Молдагуловой, Героям Советского Союза.

На письменном столе Ольги Всеволодовны — листы новой работы: ее попросили подготовить книгу для учащихся «Азбука казахского танца».

Моя собеседница показывает графические рисунки художника республики А. Садвакасова.

— Поглядите, как точно схвачены самые характерные движения танцевального казахского фольклора! А как поэтичны их названия: «Жел» — «Полет ветра», «Буркасын» — «Полет метели», «Шынжара» — «Бегущие волны», «Кемпиркосак» — «Радуга»... Детям следует показать, подсказать только основные движения танца, а дальше... пускай сочиняют, фантазируют! Надо подарить облако. Животворящее дождевое облако...

В. МАРИЧЕВА.

(Наш соб. корр.).